

ОТЗЫВ
на диссертацию на соискание учёной степени кандидата наук
Штепа Сергея Евгеньевича
по теме «Социальные риски потребительского кредитования российской
молодежи»
доктора социологических наук, доцента
Письменной Елены Евгеньевны,
включённой в списочный состав диссертационного совета
Финансового университета Д 505.001.118 по защите диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Штепа Сергей Евгеньевич представил диссертацию на тему: «Социальные риски потребительского кредитования российской молодежи» на соискание учёной степени кандидата наук к публичному рассмотрению и защите по научной специальности 5.4.2. Экономическая социология.

Содержание диссертации частично соответствует паспорту научной специальности в части пункта п. 22. «Социально-демографические факторы экономической деятельности» паспорта научной специальности 5.4.2. Экономическая социология (социологические науки) (С. 18). Пункт 7 «Девиантное поведение в экономике» вызывает категорическое возражение, так как не раскрыт и, соответственно, работа ему не соответствует.

По нашему мнению, следовало бы применить пункты 15 и 23: «15. Проблемы поведения потребителя», так как автором рассматривается кредитное поведение российской молодежи как потребителя данной услуги, и «23. Финансовое и денежное поведение населения», так как кредитное поведение – это вид финансового поведения.

Таким образом, из-за частичного соответствия заявленной научной специальности данная диссертационная работа может быть защищена только после устранения сделанных замечаний после ее повторного представления в диссертационный совет.

При этом полагаем, что полученные в диссертации «Социальные риски потребительского кредитования российской молодежи» **результаты, как практико-ориентированного исследования, нельзя квалифицировать как существенные, а поставленную задачу «изучить факторы, обуславливающие возникновение социальных рисков у молодёжи в сфере потребительского кредитования в условиях рыночной экономики и определить пути их минимизации» нельзя считать решённой в полной мере.**

Эта оценка сложилась на основе тщательного анализа представленного текста диссертации, работ соискателя, в результате которого были выявлены системные ошибки исследования на методологическом, теоретическом и эмпирическом уровнях.

1. **Автор четко не прописывает, в чем же, по его мнению, состоит социальное противоречие проведенного исследования?** Вызывает возражение как месторасположение социального противоречия в структуре «Введение», так и его содержание. Социальное противоречие должно вытекать из актуальности, следовательно, оно должно находиться после подраздела «Актуальность темы исследования», а не после подраздела «Степень научной разработанности».

С точки зрения содержания не выдерживает критики его формулировка. Автор полагает, что противоречие существует между интересами банков и молодежью, имеющей кредиты (С.12). Но в цели исследования заявлено об изучении социальных рисков потребительского кредитования российской молодежи и ничего не сказано о том, что автор собирается изучать социальные риски потребительского кредитования только части молодежи, пользующейся кредитами. А молодежь, не пользующаяся кредитами в настоящее время, но могущая ими воспользоваться в связи с новыми жизненными задачами, например, получение образования, создание семьи, она также подвержена рискам.

Кроме того, вызывает возражение позиция автора, стоящая за этой формулировкой социального противоречия. Автор полагает, что интересы работников финансово-банковской сферы не могут вызывать социальные риски, а вызывают их только «отсутствие устойчивого дохода, жизненного опыта и финансовой грамотности» (С.12). Иными словами, молодежь сама виновата в появлении своих рисков потребительского кредитования, что является очень спорным высказыванием со слабой аргументацией.

Вместе с тем, хочется отметить, что говорить о том, что молодежь не имеет устойчивого источника дохода неправильно, так как молодежь имеет разный социальный и экономический статус. Если допустим в 20 лет, это еще могут быть не самостоятельные в экономическом плане, то в 25-30 лет - вполне платежеспособная часть населения, которая с большей вероятностью имеет достаточно средств, чтобы позволить себе кредит.

Такая социальная позиция автора, на наш взгляд, прослеживается и в целом в тексте диссертации, в котором тщательно анализируются риски потребительского кредитования финансово-банковской системы, в том числе и связанные с заемщиками. Вряд ли это относится к теме диссертации. И такая позиция автора вызывает глубокое возражение. Диссертант должен был бы определиться как исследователь, защитник интересов молодежи, а не финансовой системы и ее элементов – банков. В то же время в диссертации присутствует позиция защиты финансово-банковской системы.

2. **Отсутствует описание методологических основ исследования.** Так, в части введения «Методология и методы исследования» (С.16), автор пересказывает другую часть введения: степень научной разработанности (С.7-11): например, «... социальные риски рассматривались такими авторами, как А.П. Альгин [90], В.И. Зубков [171]. В современной российской социологической науке имеет место исследование конкретных типов

социальных рисков. Ю.А. Зубок [29] и В.И. Чупров изучают процесс развития молодежи в условиях общества риска. В своей фундаментальной работе «Социология риска» Никлас Луман дает онтологическое объяснение существования феномена риска [126]».

Мы видим, что снова идет пересказ того, что относится к анализу научной разработанности проблемы, а не к разделу «Методология и методы». **Остается непонятным, какие выводы автор сделал после изучения работ указанных исследователей, какие методологические подходы и принципы, использованные ими, помогли ему провести свое собственное исследование, в рамках каких парадигм он работал и выстраивал как теоретическую часть исследования, так и эмпирическую.**

3. Объектно-предметная область исследования вызывает возражение в силу того, что она определена с грубыми ошибками. Из названия исследования следует, что предметом изучения являются: социальные риски потребительского кредитования молодежи, но диссертант указывает на социальные риски потребительского кредитования как на объект исследования. В то время как объектом данного исследования должно выступать более широкое понятие, например: «социальные риски кредитования для заемщиков» или «социальные риски кредитного поведения» или «молодежь как социальная группа в российском обществе». При этом в качестве предмета исследования у автора выступают «условия и факторы, вызывающие социальные риски в сфере потребительского кредитования» (С.12), в то время как про условия ничего нет ни в структуре работы, ни в самом тексте, ни в выводах, ни в положениях выносимых на защиту. **Остается открытым вопрос – раскрыт ли в должной мере заявленный предмет исследования? И ответ очевиден – данная диссертация написана по другому предмету исследования.**

4. Ошибка формулировки цели. Логично, что заявленный предмет исследования должен был бы определить и его цель, однако, поставленная цель исследования: «изучить факторы, обуславливающие, возникновение социальных рисков у молодёжи в сфере потребительского кредитования в условиях рыночной экономики и определить пути их минимизации» (С.11), значительно заужена относительно заявленной темы: социальные риски – это не только факторы и условия, это и их проявление в социальной практике, в сознании российской молодежи как эмпирического объекта исследования. В сформулированной цели не нашли отражения условия, которые автор определяет как часть предмета исследования. Получается нелогично, ненаучно и ошибочно.

5. Ошибки формулировки задач. Задачи исследования формально соответствуют структуре исследования автора, но с точки зрения научной логики ошибочно ставить задачу классификации рисков (задача б, С. 11) раньше, чем изучены сами социальные риски потребительского кредитования (задача г). Вместе с тем задача «в» повторяет задачу «г» в той части, что «изучить социальные риски ... » и «выявить состояние и особенности

социальных рисков потребительского кредитования у российской молодёжи» это одно и то же. Но задача по изучению факторов, которые автор заявляет в предмете исследования, не нашла самостоятельного отражения в перечне задач.

6. Ошибки формулировки гипотезы–основания и гипотез-следствия. Для достижения поставленной цели: изучить факторы, обуславливающие возникновение социальных рисков у молодёжи в сфере потребительского кредитования в условиях рыночной экономики и определить пути их минимизации (С. 11), выдвинута гипотеза-основание, которая определяет три фактора: «российская молодёжь не имеет должного дохода, жизненного опыта и финансовой грамотности в сфере потребительского кредитования, в силу чего подвержена социальным рискам» (С. 12). Данное предположение вызывает принципиальное возражение по ряду моментов.

Во-первых, формулировка «должный доход» представляет нормативный подход к социальной реальности, что является ошибкой в социологическом исследовании, тем более в диссертационном. Что считать должным доходом? Кто определяет уровень «должного дохода»? А кто решает, что при «недолжном» доходе брать кредиты нельзя? Как известно из экономической социологии, люди отличаются разными видами экономического поведения, как рациональным, так и иррациональным. Задача социолога – изучить, какое в реальности экономическое поведение превалирует – рациональное, эмоциональное или иррациональное? При этом уровень жизни молодёжи автор никак не рассматривает и не характеризует: даже не приводит результаты социологических исследований, которые давали бы возможность оценить распространённость уровней бедности и богатства среди молодёжи.

Во-вторых, в положении 3, выносимом на защиту (С. 15), указываются 19 факторов, объединённых в две группы: объективных и субъективных факторов, которые детерминируют социальные риски молодёжи как потребителей, однако, в гипотезе они не нашли отражения по этим группам.

Что касается гипотез-следствия, то они сформулированы со стилистической и содержательной ошибками. Так, первая гипотеза-следствия звучит следующим образом: «российская молодёжь подвержена взятию потребительских кредитов ради удовлетворения своих потребностей» (С. 12). Это неотредактированная фраза. Подвержена взятию – так по-русски не говорят. Следовало бы, например, определить: «заметная часть российской молодёжи пользуется такой финансовой услугой, как потребительское кредитование».

Вторая гипотеза-следствия сформулирована некорректно: «причиной возникновения социальных рисков потребительского кредитования служит отсутствие знаний и практики, а также потребительское поведение молодёжи» (С. 12). Здесь указаны по крайней 3 причины, а не одна: отсутствие знаний, отсутствие практики и само потребительское поведение. Но в такой формулировке гипотеза не соответствует заявленной цели. Автор планировал «изучить факторы, обуславливающие возникновение социальных рисков у

молодёжи в сфере потребительского кредитования в условиях рыночной экономики», а понятия «фактор» и «причина» различаются, это не тождественные понятия. Понятие «причина» - это философская категория, а понятие «фактор» относится к уровню конкретных наук. Так же непонятно, почему потребительское поведение является причиной социального риска? Без потребительской деятельности и потребительского поведения молодежь, вероятно, не выживет? Фактором социального риска может быть какое-то специфическое потребительское поведение: например, при котором систематически расходы на потребление превышают доходы.

7. Ошибки классификации рисков. Первое и главное замечание: автор не выделяет и не обосновывает критерии классификации рисков потребительского кредитования. Причем классифицируя их как общие и специфические, внешние и внутренние, упущенной выгоды и т.д., он просто пересказывает экономические риски из учебника по дисциплине «Банковское дело». В ряде положений автор упоминает, что риски бывают политические, а не только социальные. В таком случае логично указать критерий и перечислить их (например, общественная сфера возникновения и др.). По критерию «внешние и внутренние риски» тоже можно говорить о сфере возникновения, но уже на уровне не макросферы, а мезосферы: то есть финансовой или экономической сферы, и еще конкретнее - на уровне кредитных организаций, то есть части финансово-банковской сферы.

Автор нигде не упоминает другие работы, посвященные классификации рисков, классификации социальных рисков и классификации социальных рисков потребительского кредитования молодежи. Между тем, в монографии профессора В.И. Зубкова «Социологическая теория риска»¹ еще двадцать лет назад была подробно изложена классификация рисков. Рассматриваемая диссертация, к сожалению, не продвинула российскую науку в данном направлении. Например, и профессор Н.Э. Соколинская², на которую автор ссылается несколько раз, но по другому поводу, будучи не социологом, а экономистом, финансистом, классифицирует риски и действительно указывает на внешние и внутренние риски, как и наш автор. Но далее она указывает целый ряд внешних рисков, которые являются объективными: политический, макроэкономический, социальный, инфляционный, отраслевой, региональный, риск законодательных изменений.

8. Ошибки, связанные с выделением перечня и содержания факторов рисков потребительского кредитования. Набор объективных факторов, вынесенных в положение на защиту, вызывает возражение, так как с нашей точки зрения, является и неадекватным поставленной задаче, и принципиально неверным с точки зрения заявленной темы. При выдвижении объективных факторов социологи, как правило, подразделяют их на группы в

¹ Зубков В.И. Социологическая теория риска// Социологическая теория риска = Sociological theory of risk / В. И. Зубков. -М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2003. С. 230. ISBN 5-209-01567-x : 1000

² Соколинская Н.Э. Кредитные риски в российском банковском секторе: факторы и менеджмент //Банковские услуги. 2006. №. 9. С. 2-28.

соответствии с основными сферами жизнедеятельности общества: политические, правовые, экономические, социальные, культурные факторы. Далее, благодаря такой аналитической процедуре, как факторная операционализация, определяются конкретно связанные с предметом исследования. Этого автор не сделал и в этом его катастрофическая ошибка.

Автор называет в качестве объективных факторов: правовые факторы (законодательная ситуация в стране, в том числе изменение законодательства (важна степень таких изменений!), защита прав заёмщиков) и экономические факторы, которые автор диссертации необоснованно сужает до экономической ситуации в финансово-банковской отрасли, а далее вообще до взаимодействия индивидуального заемщика и показателей кредитной деятельности отдельного банка. Вместе с тем, указанные в Положении факторы не могут быть рассмотрены как действующие на кредитное поведение молодежи, в процессе которого формируются общегрупповые риски потребительского кредитования и распространяемые на всю группу молодежи.

При этом факторы, указанные в положении выносимом на защиту, не соответствуют излагаемым в параграфе 2.1 второй главы, что является их грубой подменой. Например, на странице 83 автор указывает: «Тут можно выделить еще один фактор, такой, как потребительская активность. Выделив риски активного кредитования, эксперты уточнили, что пока ситуация далека от критической [104]». Фактора «потребительская активность» нет в списке факторов, так же как и фактора «Государственная поддержка». На странице 84 вводится фактор «услуга перекредитования»: «В последнее время большинство банков предлагают услуги перекредитования, и это порождает новые социальные риски, так как взять в долг, чтобы рассчитаться со старым долгом, не окончательное решение проблемы», но и такого фактора автор не выделяет в дальнейшем исследовании, что искажает стройность исследования.

Наличие фактора низкого уровня доходов автор доказывает, ссылаясь на мнение только лишь одного эксперта: «По мнению ведущего аналитика по банковским рейтингам «Эксперт РА» Екатерины Щурихиной, всплеск активности на рынке потребительского кредитования обусловлен очень низким ростом доходов населения» (С. 84). Это является совершенно недопустимым с точки зрения доказательности и достоверности, так как любое мнение является доказанным только тогда, когда опирается на широкую объективность и достоверность фактов.

9. Ошибки, связанные с использованием автором экономических категорий, не осмысленных (по крайней мере, не объясняемых им в тексте) с точки зрения социологии. Автор пишет, что «Следует перечислить некоторые риски потребительского кредитования в отношении заемщиков: снижение социального статуса заемщика - моральный риск; потеря работы - деловой риск; невыплата кредита в срок; нецелевое использование займа; несчастный случай или летальный исход хирургической операции, на которую был выдан займ; наконец, мошенничество или иное злоупотребление со стороны заемщика, нарушающее кредитный договор, включающее не

ликвидность обеспечения займа» (С. 72). В этом абзаце автор использует две дефиниции «моральный риск» и «деловой риск». Понятия для экономической науки новые, их содержание не устоялось. Для банковской сферы наиболее единодушное понимание понятия «моральный риск» — это риски в банковской сфере, связанные с человеческим фактором: чертами характера, привычками, ценностями, моральными нормами и т.д. Для банка моральный риск, связанный с заемщиком — это его нечестность, непорядочность. В таком случае остается недоказанным и необоснованным, почему под моральным риском, связанным с заемщиком, автор понимает «снижение социального статуса заемщика»?

Под деловым риском чаще всего понимается экономический риск, предпринимательский риск. Остается необъясненным, какое отношение имеет потеря работы к деловому риску? Отметим, что автор не подразумевает, что заемщик может быть не только наемным работником, но и предпринимателем, и лишиться «дела», а не «работы». Таким образом, мы считаем, что эти понятия играют роль «украшения», а не способствуют прояснению сущности исследуемого явления и указывают на слабое знание автором диссертации базовых понятий.

10. Ошибки, связанные с целым рядом исторических, фактологических и терминологических неточностей. Более того, вся работа изобилует ими. Так, Штепа С.Е. утверждает, что «Исследования феномена «риск» на Западе начались с работ Дж. Кейнса, Д. Милля» (С. 8). При этом работы Д. Милля вышли почти на 100 лет раньше, чем работы Дж. Кейнса. На С. 9 также значится исследователь С. Урри, который на самом деле является Джоном Урри. Можно предположить, что автор не знаком с первоисточниками.

Работа содержит много неясных и, прямо скажем, ошибочных утверждений, например: «На современном этапе рациональные ценности способствуют обоснованию естественной природы социальных рисков, определяемых разрешением противоречий, которые подвигли нас к разработке теоретико-методологических основ анализа риска» (С. 10): чьи рациональные ценности? Встает вопрос, а на других этапах развития общества ценности другие — не рациональные? В чем состоит естественная природа социальная рисков? Природа социальных рисков как раз не естественная, а вероятностная, о чем сам автор и заявляет.

На странице 8 автором заявлено, что «... источником философского осмысления психологических аспектов риска и неопределенности стали работы ...», тогда как ни философский, ни психологический анализ проблем риска не представлен. При этом совершенно очевидно, что проводить философское переосмысление психологических аспектов не входит в задачи и компетенции автора. У части авторов в данном абзаце ссылки не соответствуют указанным (например, В.А. Петровский значится в списке общем под номером 49, а не 51 как указано в тексте, как и С.Л. Франк — 62 и 63, а не 66, поэтому вообще не представляется возможным понять какую работу имеет в виду автор), а на ряд авторов нет ссылок в общем списке

совсем: Дж. Аткинсон, О.И. Ларичев, Ю. Козелецкий, К. Роджерс. Все это указывает на грубое нарушение академической этики при написании данной диссертации.

В работе встречается тавтология: «методологическая основа исследования базируется» (С. 15): методология исследования – это и есть база, на которой оно должно строиться, сама она не может базироваться.

В параграфе 1.1 на странице 21 написано, что «... современная научная литература не предлагает нам единый и комплексный подход к прикладному философскому решению вопросов, связанных с риском», тогда как философское решение вопросов и не бывает прикладным.

На странице 32 «... в индустриальном обществе, по определению К. Маркса, бытие определяет общественное сознание людей, в обществе риска сознание - в первую очередь, формируемое знанием, - определяет бытие человека». На наш взгляд, налицо неправильное изложение материалистического понимания истории, в марксизме. Во-первых, общественное бытие определяет общественное сознание, не только в индустриальном обществе, но и в обществе риска тоже. Во-вторых, сознание человека не только отражает, но и преобразует, изменяет мир, поэтому возникновение рисков вполне укладывается в марксистский подход. Автор повторно демонстрирует неумение работать с первоисточниками.

На странице 43 автор пишет: «Однако то, что частных рискологий уже достаточно много и возникают всё новые, не способствует лучшему пониманию сущности риска, и даже наоборот - затрудняет его». Трудно согласиться с этим заявлением, так как дело в том, что изучение риска - социально значимая и конфликтная проблема, которая требует комплексного решения и не может быть закрыта исследованиями с какой-то одной стороны.

На странице 49 автор задает риторический вопрос: «В чем тогда заключается различие между социальными рисками и внутренними рисками, связанными с заемщиками?». И далее автор поясняет и дает соотношение: социальные - внутренние, присущие конкретному заемщику. Тогда как логичнее под социальными понимать групповые риски, риски, связанные с положением группы в обществе, и в связи с этим риски конкретного заемщика могут быть индивидуальными рисками, а не внутренними. Соответственно, тогда у конкретного заемщика могут быть риски, связанные с положением группы в целом, и его индивидуальные риски.

Далее автор продолжает рассуждать о различии «... между социальными рисками и внутренними рисками заемщика» и «... высвечивает проблему агентности, изучаемую в социальной теории» (С. 49). То есть автор делит риски на внешние и внутренние, по отношению к группе заемщиков. Однако в социологии чаще употребляется оппозиция - «объективные и субъективные». То есть зависящие от субъекта, как группового, так и индивидуального, так и не зависящие от него. В данной риторике было бы уместнее употреблять именно эту дихотомию. При этом термин «агентность» употребляется в экономической и политической науках. В социологии нет такой категории. Есть категория субъект и актор, очень жаль, что автор

диссертации часто не использует социологическую терминологию, подменяя ее понятиями из смежных дисциплин.

Можно отметить в работе и множество пунктуационных ошибок не допустимых для данного статуса работы.

Диссертация не соответствует установленному требованию новизны полученных результатов по ряду моментов.

Во-первых, теоретическая значимость исследования, описанная во введении (С.18), определяется самим автором очень обыденно и примитивно: «...основные ее положения могут быть использованы для дальнейшего изучения социальных рисков потребительского кредитования», то есть указана очень общим способом, **нет конкретизации в чем именно произошло приращение научного знания и какого оно рода: концепция, гипотеза, закономерность, метод, модель, подход, понятие, принцип, проблема, тенденция, направление, терминология, система и т.д.**

Автор не указывает, что вводимое им понятие является новым и не уточняет сущность ключевого понятия «социальные риски потребительского кредитования молодежи», не разъясняет, чем оно существенно отличается от принятых в науке сегодня. Не описывает теоретическую модель кредитного поведения молодежи или рисков потребительского кредитования, которые бы действительно привносили в научный оборот что-то новое. Можно предположить, что диссертация не содержит существенного приращения новыми знаниями.

Во-вторых, практическая значимость работы (С. 18) также определяется самим автором очень формально и общими слова: заключается в возможности применения результатов исследования в управленческой деятельности Минэкономразвития России, Министерства финансов Российской Федерации и Банка России в принятии комплекса мер по регулированию деятельности банков для снижения социальных рисков потребительского кредитования. Помимо этого, результаты исследования могут применяться в учебном процессе в рамках таких дисциплин, как «Экономическая социология», «Социология рисков», «Социология молодежи», а также для введения отдельного курса по выбору «Социальные риски потребительского кредитования российской молодёжи». Приведенные формулировки не позволяют оценить реальный практический вклад автора в рассматриваемую проблему.

В параграфе 3.2, например, автор рекомендует в пункте а) внести дополнения в «... в Стратегию повышения финансовой грамотности в Российской Федерации» в части «... мероприятий, связанных с потребительским кредитованием молодежи» (С. 172), а в пункте д) предлагает разработать отдельную Стратегию «... по повышению финансовой грамотности института молодежи» (С. 173). И здесь снова встречаемся с методологической ошибкой, которую отметили в положении, выносимом на защиту выше: нет института молодежи – есть только социально-демографическая группа молодежь.

Остается не ясным, нужна ли отдельная Стратегия или достаточно

внести поправки в существующую. Вызывает недоумение рекомендация, связанная с созданием «... механизма, обеспечивающего повышение финансовой грамотности российской молодежи», тогда как государство приложило массу усилий, чтобы этот механизм создать. Он существует, есть нормативно-правовое регулирование, есть социальные институты, которые отвечают за работу этого механизма. Из текста работы конкретные рекомендации невозможно вычлениить и включить в указанные автором документы, что обедняет саму сущность работы.

В-третьих, об этом упоминалось выше, в положении 1, выносимом на защиту, автор описывает структуру социального риска и представляет ее в виде трех элементов, однако, о такой же структуре риска говорится в статье³ (ниже приведены скриншоты из статьи и автореферата): «Структура социального риска состоит из следующих элементов: а) субъект социального риска; б) объект социального риска; в) средства (методы) воздействия субъекта на объект».

Так что выносятся на защиту? Чьи представления будет защищать автор диссертационного исследования?

неспособности общества, рост эффективности управления и процессов воспроизводства (в широком понимании), нелинейный и разнонаправленный характер трансформации, в результате которой

Структура социального риска состоит из следующих элементов: а) субъект социального риска; б) объект социального риска; в) средства (методы) воздействия субъекта на объект.

Структура социального риска состоит из следующих элементов:

- субъект социального риска;
- объект социального риска;
- средства (методы) воздействия субъекта на объект.

Это явный элемент недобросовестного заимствования, грубое нарушение академической этики. При этом, в содержании диссертации структура риска не нашла отражения и проработанности: не обосновывается и не встречается больше, что указывает на явно заимствование чужой идеи без дальнейшего ее развития.

Исходя из требований внутреннего единства представления материала, формально текст диссертации «Социальные риски потребительского кредитования российской молодежи» соответствует заявленным структурным элементам - параграфам, но по существу можно отметить нарушение научной логики в представлении теоретического и эмпирического материала.

Так, в оглавлении название первой главы и первого параграфа совпадает: «Глава 1. Теоретико-методологические подходы к изучению социальных рисков потребительского кредитования и параграф 1.1 Теоретические подходы к определению социальных рисков потребительского кредитования» (С. 2). При этом, из содержания самого параграфа не ясны эти теоретические подходы как результат исследования. Автор только

³ Соколова Ю.И. Социальные риски России// Социально-демографическая безопасность Проблемы анализа риска, том 14, 2017, № 5, С.39

перечисляет существующие определения «социальных рисков» и «рисков потребительского кредитования», но не применяет методов систематизации, обобщения и классификации научной информации ни к пониманию теоретических подходов, ни к определению социальных рисков потребительского кредитования. Впрочем, это он подтверждает и в описании методов исследования (С. 16-17), из которого следует, что эти методы научного познания им не использованы. Поэтому из текста диссертации совершенно непонятно, на каких подходах в определении ключевого понятия стоит автор, он разделяют чью-то точку зрения или выработал свою.

Методологически ошибочным и структурно неверным считаем и представление факторов, влияющих на формирование социальных рисков потребительского кредитования среди молодежи, раньше, чем представлены результаты эмпирического анализа самих социальных рисков потребительского кредитования данной социальной группы (С. 73-120), так как исходя из данной логики представления результатов исследования непонятно, на что эти факторы влияют. Сначала надо описать социальное явление, понять его проблемные зоны, а уже потом говорить о факторах, которые их детерминируют.

Большие сомнения вызывают положения, выносимые на защиту, с точки зрения приращения научного знания, так как в них содержатся как теоретические ошибки, так и элементы заимствования.

Например, в первом положении, выносимом на защиту, автор рассматривает социальный риск в узком смысле как «... вероятностный значимый для общества ущерб только от социальной жизни, продуцируемый обществом» (С. 13). Совершенно непонятная фраза. Что значит: «ущерб от социальной жизни, продуцируемый обществом»? Такой категории, как «социальная жизнь» в социологии нет. Это журнализм, можно сказать, недопустимый при формулировке положения выносимого на защиту.

О некорректном заимствовании описываемой автором структуры социального риска (в виде трех элементов) было уже отмечено выше.

Далее автор дает определение социальных рисков потребительского кредитования и определяет их как «социальная ситуация, имеющая негативные социальные последствия для статуса индивида и проявляющаяся через ухудшение уровня и качества его жизнедеятельности» (С.13). Однако в первой теоретической главе это определение нигде не приведено, оно появляется только в тексте «Введения» и в первом положении, выносимом на защиту, из чего совершенно не ясно – является ли данное определение полностью авторским или это дополнение к существующим в научной литературе. На наш взгляд, данная формулировка «повисает в воздухе» и не находит практического применения в исследовании, так как *с учетом этого понимания социального риска потребительского кредитования в работе не анализируются негативные социальные последствия для статуса индивида, и тем более не измеряются изменения статуса, вызывающие ухудшение уровня и качества жизнедеятельности, о котором говорилось выше.*

Во втором положении, выносимом на защиту (С.13-14), автор классифицирует социальные риски как внешние и внутренние, что само по себе уже не является новым в науке. При этом внешние риски определяются по сути, как тождественные факторам. Например, автор указывает в качестве внешнего риска экономическую ситуацию в стране. Наверное, экономическая ситуация бывает разной, и если она не способствует развитию экономики, неблагоприятна для участия людей в общественном производстве, тогда она становится фактором риска. Хотя внешние риски — это объективные факторы, которые не зависят ни от кредитора, ни от заемщика, как справедливо отмечает автор. Но здесь по сути автор пишет о **рисках финансовой системы, а не о рисках потребительского кредитования именно для молодежи, что является методологической ошибкой в подходе к исследованию.**

Внутренние риски - по мнению автора, это риски, связанные с банком и с заемщиком (С. 13-14), но, по сути, автор нам рассказывает о рисках финансовой организации: «...риски неправильно выбранной кредитной политики в области кредитов на текущие нужды, структурный риск, операционный риск, временной риск, процентный риск, риск недополучения дохода, риск ликвидности, риск несовершенного менеджмента, портфельный риск (совокупный и по каждому однородному портфелю), ресурсный риск, риск невозможности реализовать обеспечение по кредиту», о которых говорится в учебниках по менеджменту, например, в учебнике Солодова А.К.⁴ Так же как и «... риск ухудшения финансового положения заемщика - физического лица, потери им статуса (моральный риск) или работы (деловой риск), летальный исход после операции (на которую брался кредит), смерть заемщика или несчастный случай, риски невыполнения заемщиком обязательств, риски нецелевого использования кредита, риски мошенничества и злоупотреблений со стороны клиента банка, риск имеющегося у заемщика обеспечения» - это все не риски потребительского кредитования молодежи. Естественно, если молодой заемщик умрет от операции после того, как взял кредит, то это риск для банка, а не для молодого человека, возникший в результате его болезни и качества медицинской операции, а не риски, связанные с его потребительским поведением. Или какое отношение имеет «риск недополучения дохода банком» (внутренний риск) к **социальным рискам** потребительского кредитования молодежи? Мы изучаем, чем рискует молодежь, использующая потребительское кредитование, или мы изучаем кредитные риски банков-кредиторов? Отметим, что большая часть указанных рисков в обязательном порядке обеспечивается страхованием жизни и здоровья заемщика, причем любого возраста. Либо банки повышают процентные ставки по кредитам без страхового обеспечения.

В третьем положении соискатель выделяет две группы факторов, влияющих на формирование социальных рисков потребительского кредитования молодежи, но вместе с тем **в самой работе не приводит**

---

⁴ Солодов А.К. Основы финансового риск-менеджмента: учебник и учебное пособие. М.: Издание Александра К. Солодова, 2017, С. 33-36.

расчетных данных, каким образом было объективно установлено, что именно данные факторы оказывают влияние и в какой степени. При этом, нам представляется, что при анализе результатов исследования выделение любых факторов без факторного анализа является малопродуктивным и необоснованным заявлением, а факторный анализ и не заявлен среди методов исследования (С. 16-17), хотя должно быть необходимым. Отсутствие данных методов анализа практически сводит на нет достоверность данного исследования.

Кроме того, у автора в тексте диссертации фигурируют разные списки факторов: 1) список факторов, заявленный в положении 3 о факторах, формирующих социальные риски потребительского кредитования, не соответствует списку факторов, которые он приводит в выводах по главе 2: «В ходе вторичного анализа данных были выявлены такие факторы, влияющие на формирование социальных рисков, как: тяжелая экономическая ситуация в стране, отсутствие опыта, низкая финансовая грамотность, отсутствие денежных средств, непредвиденные жизненные ситуации, в ходе которых необходимо воспользоваться потребительским кредитованием, жесткие условия банков по отношению к заемщикам, отсутствие должной поддержки государства в вопросах кредитования молодежи, потребительская активность, фактор отложенного спроса, перекредитование, низкий рост доходов населения» (С.119). К тому же, они не подразделяются на объективные и субъективные факторы, как в положении, выносимом на защиту, а даются «вперемежку». **И самое главное – нет детальной специфики именно молодежного сегмента получателей кредитных средств.**

В четвертом положении «Уточнение методологического инструментария изучения социальных рисков потребительского кредитования с учетом особенностей института молодежи позволяет выявить многие проблемы, связанные с потребительским кредитованием, а также изучить среду формирования социальных рисков потребительского кредитования и определить пути минимизации последствий социальных рисков у молодежи» (С. 14-15). Автором допущена **существенная методологическая ошибка - Института молодежи не существует, молодежь – это социально-демографическая группа.** Диссертант путает понятия «институт» и «общность». При этом не указывается, чего он достиг, какие новые принципы применил и т.д. Такая же ошибка сделана у диссертанта на странице 173 в описаниях практических рекомендаций. **Данный факт еще раз доказывает низкую квалификацию соискателя, не знание им базовых основ социологии.**

В пятом положении, выносимом на защиту, непонятно выражение: «От данных субъектов влияния современная молодёжь учится спросу на кредитование и возможным ложным путям для решения всех финансовых проблем» (С. 15). Ложные - это какие пути: безнравственные, неправильные с какой-то точки зрения, девиантные?

В шестом положении значатся рекомендация, причем очень общего характера. В части же разработки эффективной Стратегии по повышению финансовой грамотности института молодежи (С. 15) – третий раз - автор употребляет понятие «институт молодежи», а не «молодежь как социально-демографическая группа», что говорит о том, что это не опечатка, а ошибка системная. **Соискатель не владеет понятийным аппаратом научной области «Социология».**

В целом можно сказать, что Положения, выносимые на защиту, в защите не нуждаются, так как являются общеизвестной информацией (определение риска, его структура, виды, факторы). Более того, присутствует некорректное заимствование, автор не знаком с базовыми социологическими категориями, положение 5 сформулировано наивно и абсолютно бездоказательно, что не соответствует статусу работы, представленной на соискание степени кандидата социологических наук.

Достоверность результатов, полученных Штепа Сергеем Евгеньевичем, вызывает большие сомнения. Этот вывод обусловлен наличием групп ошибок:

1) **ошибки методологического и теоретического характера** указанные выше, которые влияют на разработку инструментария эмпирического социологического исследования и полученные результаты соответственно;

2) **ошибки определения группы методов теоретического и эмпирического уровня для достижения цели исследования**, при чем, описание автором методов, которые он использовал при проведении диссертационного исследования, не соответствует ни требованиям описания методов научного познания, ни требованиям описания методов собственно социологического эмпирического исследования. Так, на странице 16 диссертации автор указывает, что использовал «Традиционный метод анализа документов (анализ научной литературы, статистическая информация: страновая и отраслевая, законодательная база [86, 87])». При этом в конце предложения стоит ссылка на два источника, под которыми в общем списке источников указаны два автореферата диссертаций. К чему были эти ссылки? Эти авторы так же использовали этот метод? Или автор взял у них описание использованного метода? Отсылка к указанию о статистической информации, показывает, что автор подошел к этому важному вопросу в представлении результатов исследования очень формально, без должной научной щепетильности, которую надо проявить при пояснении методов исследования, так как именно описание этого блока в исследовании может многое прояснить, снять вопросы и убедить в достоверности полученных данных. Сразу встает вопрос: что такое «статистическая информация: страновая и отраслевая»? Какой страны и какой отрасли - автор не конкретизирует. «... законодательная база» – разве база может быть основным источником для социолога? Если же использовались нормативно-правовые документы, то следовало бы указать какой страны и какого они уровня. Нет конкретизации и в этой части.

Далее соискатель указывает, что проводил исследование двумя методами: массовым социологическим опросом методом комплексного

(раздаточного) анкетирования» и экспертным опросом по анкете (С. 17), то есть показывает, что им был применен количественный метод опроса – анкетирование. Однако на странице 174 он пишет, что экспертный опрос – это качественный метод. Вопрос: почему не выделяет качественный метод в отдельную группу методов во введении? Это противоречие в суждениях автора свидетельствует о том, что автор не знает и не понимает различий между двумя группами социологических методов, а именно: количественными и качественными, что **является недопустимым, дисквалифицирующим нарушением** для социологической диссертации.

Указанный соискателем метод «Вторичный анализ данных» (С. 17) оставляет вопросы как к сущности этого метода – каких данных, чем этот метод отличается от первого: традиционного метода анализа документов, так и к пониманию необходимости и обоснованности его применения в данном социологическом исследовании. Во-первых, автор дает ошибочное название метода, в социологии применяется метод под названием «вторичный анализ результатов социологических исследований». Во-вторых, при таком описании использованных методов становится очевидным, что автор не знает классический подход к классификации методов научного познания, который традиционно выделяют три группы методов: теоретические, практические и вспомогательные. Об этом он ни разу не указывает к какой группе методов относит метод «Вторичный анализ данных»?

Автором не указаны и вспомогательные методы обработки первичных социологических данных и остается снова открытым вопрос – как же исследователь проводил обработку полученных данных, какими программными средствами? Отсутствует в работе и сама первичная информация в виде одномерного распределения, тогда как сегодня она является обязательным требованием к представлению результатов социологического исследования для подтверждения их достоверности и верифицируемости (это базовый подход при проведении исследований даже на программах бакалавриата!).

3) ошибки инструментария авторского социологического исследования: 1) в анкете отсутствуют показатели наличия опыта использования потребительских кредитов и показатели оценки жизненного опыта, которые необходимы для проверки гипотезы; 2) вопросы сформулированы как внушающие (вопросы 4-12), например, «Считаете ли Вы, что в потребительском кредитовании в целом существуют риски?» или «Считаете ли Вы, что в потребительском кредитовании на любые цели, необеспеченные в виде поручительства, существуют риски?».

Кроме того, сконструированный инструментарий экспертного опроса содержит указания для экспертов руководствоваться с определенным пониманием ключевых понятий исследования: риск, социальный, управление, потребительский кредит, что вызывает особое возражение, так как автор демонстрирует непонимание сути экспертного опроса: благодаря которому реконструируется состояние определенной части реальности, в нашем случае, должна была быть воссоздана картина социальных рисков потребительского

кредитования российской молодежи. Но для выявления тех специальных знаний, носителями которых являются эксперты, им необходимо дать возможность трактовать самим термины самостоятельно, а не навязывать свое понимание! Для выявления и активизации опрашиваемых часто используются такие приемы, как изложение в преамбуле к вопросу тех или иных дискуссионных мнений с предложением высказаться в пользу того, или другого мнения. Но и эти приемы автору не знакомы. Он их не использует, *демонстрируя отсутствие умения грамотной подготовки и проведения социологического исследования.*

4) ошибки применения выборочного метода и метода раздаточного анкетирования: отсутствуют характеристика типа исследования в целом: какое оно, например, разведывательное или описательное? Это очень важный момент в исследовании, потому что во многом определяет дальнейший подход ко всему исследованию; нет характеристики выборки, но по некоторым признакам можно судить, что опрос проведен не методом раздаточного анкетирования, а методом Интернет-опроса (при опросе 1000 человек с лишним методом раздаточного анкетирования выборка, как правило, делается по меньшей мере двух- или трехступенчатой), и если это стихийная выборка, то надо было указать на этот факт. При проведении массового опроса методом раздаточного анкетирования необходимо запланировать, и указать, место опроса: по месту жительства, по месту работы, или на улице, или другие места нахождения респондентов - автор этого не делает, допуская грубые методические просчеты.

5) ошибки использования и описания метода экспертного опроса. В диссертации отсутствует характеристика выборки экспертов, а также методы отбора экспертов, место и время проведения опроса. Не полно прописаны такие критерии компетентности экспертов, как уровень образования, должность, опыт работы на рабочем месте, позволяющем квалифицированно судить о проблеме. Автор нигде не приводит цитат ответов экспертов на открытые вопросы анкеты. **Поэтому судить о том, что были ли опрошены эксперты в действительности, не представляется возможным.** Число опрошенных: 15 экспертов (С. 17) представляется незначительным изначально, а при указанных критериях отбора более того их компетентность вызывает сомнения.

Вместе с тем, если продолжить анализ результатов исследования проведенных данным методом, то возникает вопросов еще больше. Например, из представленных результатов (С. 174-177) совершенно не ясно, сколько экспертов придерживаются той или иной точки зрения – все, подавляющее большинство, половина или незначительная часть? Как в случае и с массовым опросом не представлены в работе первичные данные. Автор не дает социально-демографического портрета экспертов.

6) Отсутствие навыков интерпретации полученных социологических данных мы можем видеть на таких простых примерах.

Когда социологи описывают социально-демографические структуры опрошенных, в данном случае - молодежная выборка - то делают выводы из

полученных распределений, показывая особенности социального портрета обследуемой группы. Так, например, в данной выборке распределение по полу составляет 68% мужчин и 32% женщин. Следовало бы отметить, что это важно, так как у мужской и женской части выборки может быть разная финансовая активность и вовлеченность в практику потребительского кредитования. А затем проверить это на основе корреляционного анализа (он также не применялся или автор об этом просто умолчал?).

При описании возрастной структуры следовало бы указать, что молодежь, дифференцируется по возрастным слоям, различающимся фазой социализации и показать, какие слои представлены в авторской выборке: ранее юношество, собственно юношество, молодые взрослые (или другие градации). И поскольку между социологами есть различия в возрастной стратификации, то указать к чьей именно точке зрения автор присоединяется.

С возрастной стратификацией связана также финансовая активность молодежи. Так, например, на рубеже 22-23 лет (по материалам репрезентативного социологического опроса российской молодежи 18-35 лет, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2019г.)⁵ молодежь переходит к высоким показателям финансовой активности. Поэтому и важно указать, какие слои доминируют в выборке: более раннего или более позднего молодого возраста. Социолог не просто должен перечислить, сколько процентов и какие групп у него в выборке: он делает выводы о том, что это значит с точки зрения особенностей анализируемой социальной группы.

Однако общий недостаток, ухудшающий достоверность данных, это отсутствие полноценного обзора результатов социологических исследований, связанных с познанием социальных аспектов кредитных отношений, в том числе с данными, характеризующими кредитное поведение и кредитное сознание российской молодежи. Другими словами, в диссертации не представлен качественный и/или количественный анализ сопоставимости авторских результатов с результатами других исследований из независимых источниках по данной проблеме. **Результаты, полученные автором, как говорится, не «вписаны» в научную картину мира данного анализируемого фрагмента реальности.**

Так, автор в параграфе 2.1 пересказывает результаты социологического опроса ФОМ, проведенного 28 сентября 2018 года, Объединенного кредитного бюро и некоторые другие. Но, видимо, автор не догадывается о существовании других социологических центров, которые изучали социальные аспекты кредитного поведения россиян.

При этом к настоящему времени к экономического социологии накоплена совокупность эмпирических фактов, характеризующих кредитное сознание и кредитное поведение россиян различных статусов и возрастов. Причем эти исследования проводятся активно и уже в течение практически 20

---

⁵ Логинов Д. М. Уровень жизни и финансовые практики российской молодежи // Вопросы теоретической экономики. 2020. №. 3. С. 32-47.

лет. Пионерами социологического изучения финансового поведения россиян в целом, и его отдельных видов, в том числе кредитного, выступали такие исследователи, как Н. И. Ивашиненко (докторская диссертация на тему «Трансформация поведения населения в сфере потребления финансовых услуг (1987-2002 гг.)», защищенная в 2003 г. и публикации, в том числе : «Механизм взаимодействия на финансовом рынке России: население и финансовые структуры» //Экономическая социология, 2001, №3 Том.2. С.27-44), Кузина О. Е. (Финансовое поведение населения: Анатомия доверия. 2004 г., основанная на социологических исследованиях), Стребкова Д. О. и других наших коллег-социологов.

Особое внимание заслуживает описание эмпирического анализа социальных рисков потребительского кредитования российской молодёжи. Так, на странице 96 автор пишет, что метод сбора первичной социологической информации «... массовый социологический опрос методом комплексного (раздаточного) анкетирования» - не понятно, что имел в виду автор. В социологии принято использовать название метода – «раздаточное анкетирование». Комплексными бывают исследования. Тем более, что данные представлены на 2019 год, а это устаревшие данные даже с учетом того, что работа была представлена к защите в 2022 году.

В тексте диссертации автор не приводит генеральную совокупность эмпирического объекта исследования, ведь именно от нее ведется расчет выборочной совокупности, как не приводит расчета и самой выборочной совокупности, не дает обоснования репрезентативности выборки, а указывает только ее объем – 1176 респондентов, принявших участие в массовом социологическом опросе. Автор не дает характеристику исследования, характер выборки, не указывает время его проведения. В Приложении нет ни Программы социологического исследования или технического задания, где можно было бы уточнить данную информацию, тогда как именно ее наличие позволяет сделать вывод, что данное исследование объективно, распространяется на всю генеральную совокупность и может считаться достоверным.

Представленная выборка по роду деятельности не отражает социальную структуру молодежи. Автор пишет, что «... для репрезентативности выборочной совокупности необходимо было привлечь респондентов из разных когорт. В соответствии с этим, были опрошены: военнослужащие, рабочие разных профессий, спортсмены, студенты, фрилансеры и те, кто еще не определился» (С. 103). Во-первых, это не когорты, а различные социальные группы, набранные автором из разных видов социальной структуры молодежи. Так, студенты и фрилансеры – относятся к группам, выделенным на основе структуры по типу занятости: студенты – это учащиеся, первичная занятость которых учеба, а фрилансеры – это самозанятые, если опустить некоторые детали; группа рабочих – из социальной структуры разделения по характеру труда (физический) и уровню образования (средний и среднеспециальный, то есть ниже уровня высшего образования); военнослужащие – это группа из профессиональной структуры, как и

спортсмены, если они профессионально занимаются спортом. Каких спортсменов опрашивал автор не понятно.

Таким образом, в представленной социальной структуре респондентов отсутствует единый критерий отбора или обоснованная система критериев: наличие собственности, объем власти, уровень квалификации, уровень образования и характер труда, характер занятости или незанятости, используемых социологами для эмпирического замера социальной структуры. Так, например, по критерию «наличие собственности» не выделена и не опрошена группа предпринимателей; по критерию «объем власти» не выделена и не опрошена группа руководителей высшего и среднего звена; по критерию «уровень квалификации» не выделена и не опрошена группа «специалист с высшим образованием, занятый деятельностью, требующей высшего образования, и «специалист с высшим образованием, занятый деятельностью, не требующей высшего образования при умственном характере труда»; а также по критерию «тип занятости» не выделены и не опрошены группы безработных и домохозяйек, – то есть люди, которые по каким-то причинам не участвуют в общественном производстве.

Как представляется, в проведенном исследовании отсутствуют целые статусно-профессиональные группы, репрезентирующие социальную структуру молодежи, что не позволяет говорить о социальных рисках потребительского кредитования не попавших в исследование социальных групп, а значит полученные выводы не могут быть применены ко всей генеральной совокупности российской молодежи как отдельной социально-демографической группе, а значит и не могут считаться достоверными.

Диссертационное исследование выполнено с большим числом ошибок как в оформлении цитирования, так и в представлении ссылок на работы других исследователей: нет соответствия между указанной ссылкой в тексте и в общем списке источников; часть ссылок на указанные работы не представлены в общем списке вообще; некоторые источники невозможно проверить, так как указанная ссылка «не работает»; на часть авторов ссылки отсутствуют совсем. При этом некоторые из представленных источников не относятся к проблемному полю исследования.

Так, автор ссылается на работы отечественных и западных философов на странице 7: «... внесли отечественные философы: Н. Бердяев [12], С. Булгаков, В. Бехтерев, Е. Ильин [32], Н. Лосский [41], Н. Михайловский, И. Сеченов, В. Соловьев, П. Флоренский, С. Франк [65], Г. Шпет и другие» и «... исследования западных философов Т. Адорно [1], М. Бубера, Г. Гадамера [21], Э. Гуссерля [24], В. Дильтея, А. Камю, Д. Мида, П. Рикер, Г. Риккерта, Э. Фромма [68]» и не включает работы ряда авторов в общий список. При этом совершенно не понятно о каком В. Бехтерева идет речь? В отечественной науке широко известен В.М. Бехтерев, но он психиатр, невропатолог, физиолог, а не философ, даже, если подойти к этому вопросу широко.

Ряд примеров некорректного цитирования приведен выше в отзыве. Так,

например, в автореферате нет ссылки на источник следующего утверждения: «пространство для соглашения будет, скорее всего, найдено в этом поле, а не в поле различных мнений по поводу первичного риска» (с. 6).

На странице 172 диссертации автор упоминает Стратегию повышения финансовой грамотности в Российской Федерации, но не включает ее в соответствующий раздел списка.

На странице 174 автор неправильно указывает название министерства. Он пишет, что курировать учебную программу следует поручить «Министерству образования и науки Российской Федерации», тогда как с 2018 года это Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Вместе с тем, на странице 7 диссертации автор отсылает к работам, которые исследуют проблемы социального риска: Э. Тоффлер [60], в списке он стоит под номером 57, С. Хантингтон [73] – под этим номером в списке стоит экономико-математический словарь, ссылка на В.В. Мантатова в тексте представлена номером 42, а в списке он стоит под номером 40, М. Мак-Люэна [43] – в списке он проходит под номером 41, под номерами 70 и 71 в общем списке указаны работы В.И. Чупрова, а в тексте они привязаны к работам Ю. Хабермаса [70] и М. Хайдеггера [71]. При этом на странице 9 стоит ссылка на работу С. Урри [62], а в общем списке под этим номером указан С.Л. Франкл, в связи с чем остается не ясно – обращался ли автор непосредственно к первоисточнику или это С.Л. Франкл считает, что в центре внимания Урри лежит «символическое значение потребления». На странице 47 автор ссылается на «... классификацию политических рисков Соколинской» и указывает номер источника – 39. Однако под таким номером в списке стоит книга Н.О. Лосского. На странице 54 автор пересказывает позицию той же Соколинской в отношении общих и специфических рисков, а ссылку дает на источник 78, под которым стоит учебник Mays по расчету рисков :Mays, E. Handbook of Credit Scoring / E. Mays - New York : AMACOM, 2001. - 370 p. - ISBN 081440619X. Причем, в работе неоднократно упоминается Соколинская без указания инициалов или хотя бы имени. Такая же неточность касается и статьи Н. Лумана, которая в общем списке стоит под номером 171, а в диссертации указана как 126 (С. 37). А в списке литературы под номером 126 дается следующий источник: «126. Национальное бюро кредитных историй (НБКИ): официальный сайт. В 2019 году существенно замедлился рост количества потенциальных банкротов по кредитным обязательствам. – Текст : электронный. – URL: <https://www.nbki.ru/company/news/?id=26389/> (дата обращения: 05.12.2020)».

На странице 48 два раза стоит ссылка на источник 187, тогда как общий список источников заканчивается на номере 181 (С. 205). На странице 50 (и 56) и 69 автор дает ссылку на источники 183 и 190, соответственно, но которых так же нет в общем списке. Такая же ситуация с Ф. Шлейермахером [182] (С. 7).

Очень странным представляются источники, по которым автор составил рисунок 1 (С. 73): есть официальные источники информации по количеству выданных кредитов и обращение к ним показало бы, что автор ориентируется

в социальных институтах, которые статусно выше использованных им источников, отвечают за достоверность данных и которые представляют собой официальные источники. Но и ознакомиться с указанными источниками информации, на которых делаются научные выводы, более подробно не представляется возможным, так как источники 118 и 136 не открываются по указанной ссылке.

На странице 75 автор ссылается на данные опроса Фонда общественного мнения от 28 сентября 2018 г., а ссылок на это исследование не дает. Равно как и приписывает себе авторство таблицы 2, которая до последней цифры списана с результатов ФОМ (<https://fom.ru/Ekonomika/14110>, дата доступа: 19.12.2022).

Статистика мнений приведена в таблице 2.

Таблица 2 – Кредиты чаще облегчают людям жизнь, делают ее лучше, или усложняют жизнь, делают её хуже

Мнение	Население в целом	Те, у кого денег не хватает на питание	Те, у кого денег на питание хватает, на одежду - нет	Те, у кого денег на одежду хватает, на крупную бытовую технику - нет	Те, у кого денег на бытовую технику хватает, на автомобиль - нет	Те, у кого денег хватает на автомобиль
Облегчают жизнь, делают ее лучше	16	13	10	16	23	22
Усложняют жизнь, делают ее хуже	67	73	73	5	58	63
Затрудняюсь ответить	17	14	17	19	18	15

Источник: составлено автором.

Как вам кажется, если говорить в целом, кредиты чаще облегчают людям жизнь, делают её лучше, или усложняют жизнь, делают её хуже?

● Параметры опроса

ДАННЫЕ В % ОТ ГРУПП

Картонка, не более пяти ответов

	Население в целом	Те, у кого денег не хватает на питание	Те, у кого денег на питание хватает, на одежду – нет	Те, у кого денег на одежду хватает, на крупную бытовую технику – нет	Те, у кого денег на бытовую технику хватает, на автомобиль – нет	Те, у кого денег хватает на автомобиль
Облегчают жизнь, делают её лучше	16	13	10	16	23	22
Усложняют жизнь, делают её хуже	67	73	73	5	58	63
Затрудняюсь ответить	17	14	17	19	18	15

Почему вы считаете, что кредиты облегчают жизнь?

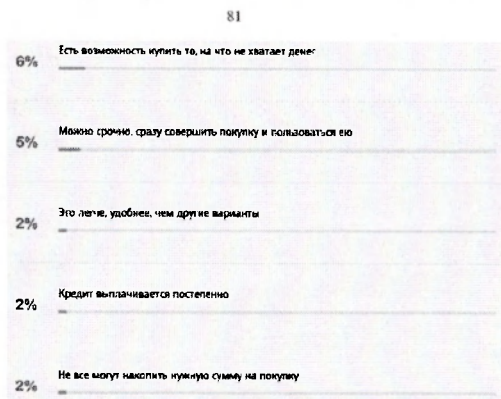
● Параметры опроса

ДАННЫЕ В % ОТ ОПРОШЕННЫХ

Открытый вопрос. Задавался считающим, что кредиты чаще облегчают жизнь, – отвечали 10% респондентов

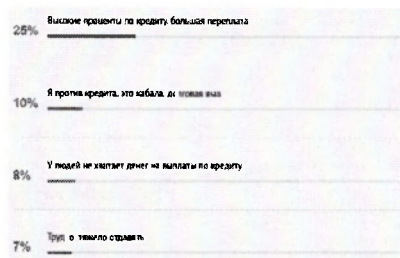
Показать ответы

На страницах 81-82 представлены рисунки 7, 8, 9, 10, взятые из текста ФОМ, из того же исследования, 28 сентября 2018г., но автором указываемые как **собственные** (<https://fom.ru/Ekonomika/14110> и <https://fom.ru/Ekonomika/14260>, дата доступа: 19.12.2022). На рисунке 8 автор просто произвольно сократил количество ответов, что лишний раз **указывает на его научную недобросовестность.**

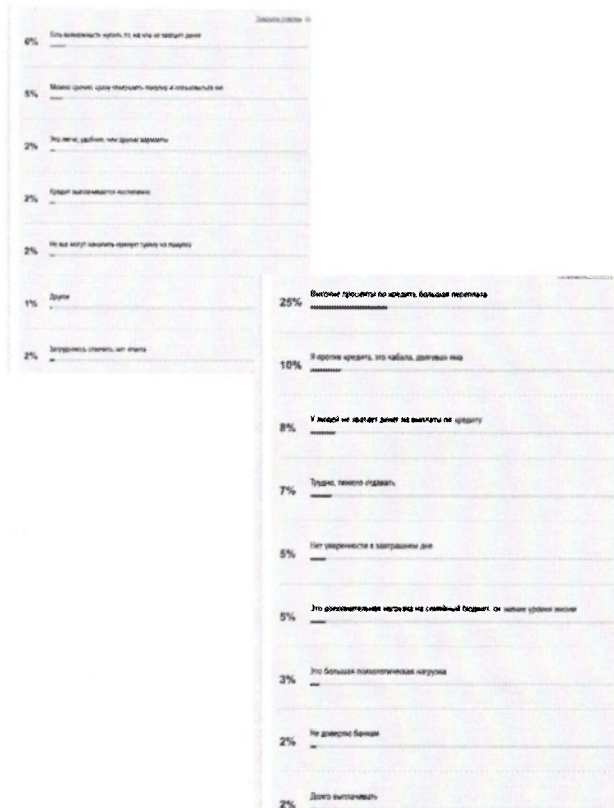
Источник: составлено автором.

Рисунок 7 – Почему респонденты считают, что кредиты облегчают жизнь?

Источник: составлено автором.

Рисунок 8 – Почему респонденты считают, что кредиты усложняют жизнь?

Текст диссертации перегружен контентом, не относящимся к проблемному полю, например, аспекты исследования «... проблемы места и роли рисков в системе финансовой безопасности ...» (С. 10). Как и ссылки на работы авторов: «... Л. Дунаевский, С. Климов, В. Прохоров [53], и другие», которые «... исследуют проблемы влияния финансов на муниципальном уровне на жизнь современного российского общества и неотъемлемость их использования» (С. 10). Или работы связанные с изучением социальной деятельности банков (С. 9). Поднимаемые в этих работах вопросы не нашли отражения ни в теоретической, ни в эмпирической части исследования.

На страницах 84-89 диссертации автор анализирует заявленный в Положениях фактор: «экономическая ситуация в банковской сфере». Однако излагая этот материал, автор несколько не озабочен стремлением связать этот фактор с выполнением задачи: а как экономическая ситуация в банковской среде влияет на формирование рисков потребительского кредитования молодежи? Выводов об этом нет.

Страницы текста диссертации 89-92 посвящены сравнению условий предоставления банками потребительских кредитов в разных странах, сравнительно с Россией. Сделаны выводы, что в России условия

предоставления потребительских кредитов невыгодные для заемщика. Однако выводов с точки зрения решаемой задачи, как эти условия предоставления кредитов влияют на формирование рисков потребительского кредитования молодежи – не сделано.

Сам список источников не соответствует требованиям ГОСТа по оформлению.

Таким образом, текст диссертации содержит, с одной стороны, большое число ошибок и нестыковок, что может указывать как на недобросовестность в оформлении ссылок и списка источников, так и на низкий уровень научной этики соискателя, а, с другой стороны, не дает и возможность проверить как достоверность указанной информации, так и не вносит ясность в понимание целесообразности ее использования и приведения в работе.

По нашему мнению, автор диссертационной работы Штепа Сергея Евгеньевича на тему «Социальные риски потребительского кредитования российской молодежи» проявил себя как незрелый исследователь, не владеющий теоретико-методологической культурой научного познания, категориальным аппаратом социологии, а так же методами сбора и обработки эмпирической информации, совершенно некомпетентным в научных нормах оформления и представления академического текста, не гнушающегося откровенными заимствованиями, с низкой научной этикой.

Исходя из всего изложенного, полагаем, что представленная к защите диссертация частично соответствует заявленной научной специальности 5.4.2. Экономическая социология и при повторном представлении может быть допущена к защите в данном диссертационном совете по вновь заявленным пунктам 15 и 23 научной специальности с учётом сделанных замечаний. **В настоящий момент диссертация не соответствует установленным критериям и требованиям.**

Письменная Елена Евгеньевна
доктор социологических наук, доцент

25.12.2022

Г
Л
Б

Н

та
ва
г.